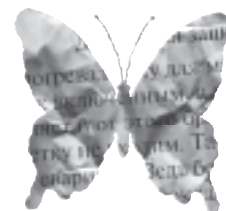

Почтальон в Волшебной Долине

Владимир Пузий

Что-то вы сегодня позновато, — проворчал Тирхад. Он оглядел меня с ног до головы, неодобрительно поджал губы и кашлянул: — Госпожа Джессика и так мне все уши прожужжала. Только ей об этом не говорите. Обидится. Да и ни к чему. — И когда я согласно кивнул, продолжил примирительно и уже привычно: — Ну, есть что-нибудь новенькое?

— Сейчас посмотрим, — ответил я в тон ему. — Думаю, что-нибудь да найдется.

Но сегодня искренне следовать правилам игры не получалось, и старик, похоже, это заметил:

— Вижу, молодой человек, у вас не все в порядке. Вы чем-то расстроены. Не из-за опоздания ли, а? Не бойтесь, никто не станет жаловаться. Мы же понимаем.

— Спасибо, господин Тирхад. Вы всегда были очень добры ко мне. На самом деле не хотелось бы, чтобы главный узнал. Могут лишить премиальных... ну, не мне вам рассказывать. А для меня премиальные значат очень много, потому что...

— Помню, помню, — прервал старик. — Вы рассказывали про эту вашу... как бишь ее? Розалинду, да?

— Мою жену зовут Розалия, господин Тирхад, — осторожно поправил я.

— Разумеется. Именно так ее и зовут. Помню, помню. — Он рассеянно постучал пальцами по набалдашнику трости. — Розалия.

Я поправил ремень сумки. Внутри нее зашелестели конверты, и это отвлекло старика от дальнейших разглагольствований.

— Вот, господин Тирхад, — сказал я, — это, похоже, для вас.

Старик цепко подхватил конверты, сунул под мышку бандероль и кивнул:

— Спасибо, молодой человек.

— Распишитесь вот здесь.

Поблагодарив его, я застегнул сумку и посмотрел на часы. Ого! Так быстро мы с ним никогда не заканчивали. Не раздражать — это главное. Но таких, как он, здесь два десятка. И все ждут.

Я попрощался и вышел, прикрыв за собой калитку. Запрыгнул в велосипедное седло (пытаясь при этом сохранить солидность: *они* очень не любят торопливости) и помчался дальше. Домики здесь, в долине, расположены на приличном расстоянии друг от друга, поэтому приходится пользоваться велосипедом. Меня это более чем устраивало: жмешь на педали, глядишь по сторонам — благодать! Но сегодня, видимо, день не заладился с самого утра.

Да, с самого утра... Будильник зазвонил на полчаса раньше положенного. Теперь я мог только благодарить за это судьбу, но сначала разозлился: ехать на работу было еще рано, но, однако ж, поехал — и влип в автомобильную пробку. В которой и простоял полчаса. То есть практически опоздал...

— Добро пожаловать, молодой человек! — прогремело где-то у самой макушки тополя, что рос справа.

— Заждались мы вас, заждались! — гроыхнуло в кроне могучего дуба, стоявшего по левую сторону дороги. — Ай, заждались!

Отвечать не имело смысла. Я лишь вежливо поклонился и поехал дальше.

До следующего домика добираться — что-то около четверти часа, если считать от первого громкоговорителя. А насчет зеркал не знаю, никогда всех не видел. Нет, молодцы все-таки эти братья Лэрроки, здорово придумали. Иногда мне кажется, что тут не обошлось без колдовства, хотя, само собой, ни о каком колдовстве не может быть и речи. Просто старики очень точно рассчитали и установили зеркала вдоль дороги так, что, сидя у себя на веранде, они видят, как спешит-торопится, жмет на педали припозднившийся почтальон.

сторон, трубят, скандируют, привлекают прессу. Вот только газетчиков нам здесь не хватало!

И Бернар посмотрел на меня, как будто это я самолично пригласил газетчиков. А может, и вообще — тайный корреспондент «Нашего времени».

— Ну, чего молчишь, специалист? Давай, расскажи мне, как необходимо, чтобы ты сегодня отправился в долину. Ну!

— Все равно не пустите, — сказал я. — Хоть господа ученые и объяснили все с научной точки зрения, не пустите.

— Ерунда! — возмутился он. — Чушь собачья! Мне ж не известно, какие приказы я получу минуту спустя по вот этому телефону. — Начохраны указал на черный пластмассовый корпус дисковика. Затем взял с окна лейку, полил вазоны с традесканцией и пальму в кадке.

Я кашлянул: время-то шло.

— Долой! — скандировала за окном толпа. — Долой-долой-долой! Долой киборгов! Убийцам — нет! Мы требуем! Требуем!..

— Вот так, парень, — вздохнул Бернар. Похоже, крики толпы его немного успокоили. — Киборги, убийцы!

— Вы же сами знаете: они — не киборги, а биороботы. И не убийцы. Просто старые механизмы, которые могут... потенциально могут выйти из строя. Ну, в смысле, проявлять агрессивность.

— Короче, убивать, — подытожил начохраны. — Но гуманные люди не стали уничтожать биороботов, потому что биороботы — создания разумные, им тоже бывает обидно. Хоть и не бывает больно. И поэтому твоих «старых механизмов» изолировали. Так? Так, почтальон.

Ну, не совсем так, но я промолчал. Бернар и сам хорошо знал, что к чему.

— Вот таким образом обстоят у нас дела. — Начохраны налил себе воды из графина, выпил, поморщился. Налил еще. — Вернее, так обстояли. Потому что выборы-перевыборы на носу. Потому что общественность против. Потому что здешние научные исследования за три года не дали науке ни черта. Потому что вкладывать деньги в детские интернаты и дома для престарелых выгоднее, нежели в долину списанных биороботов. Потому что в конце концов есть еще невероятно важный фактор, как мнение избирателей. И поэтому господин президент в любой момент может поднять трубку и набрать мой номер.

И тут же зазвонил телефон. Он звонил резко и требовательно, по-хозяйски, но Бернар сначала расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, положил фуражку поверх стопки бумаг и только потом взял трубку.

— Да, — сказал он, а затем, изменившись в лице, выругался. — Это вы, Ормонд? Ну и что такого срочного выдал наш компьютер? Неужели... — Тут Бернар осекся и снова выругался. — Ладно, — проговорил он наконец, — ладно, Ормонд, благодарю вас. Если будут вопросы, перезвоню.

Ормонд (он же, за глаза, — Квазимодуль, Квази) — местный программист, один из немногих оставшихся в Центре. Интересно, что такого сообщил Квази?

— Ормонд кое-что подсчитал. — Начохраны взял со стола фуражку и стал вертеть ее в руках. — Короче, если в долине не появится почта, вероятность того, что «старик» взбесится, — восемьдесят девять и три десятых процента.

Я в который раз посмотрел на часы и поднялся.

Бернар хлопнул меня по плечу, едва не усадив обратно: — Удачи, почтальон! Вернешься — поблагодари Ормонда. Без его «статистики» черта с два ты б поехал — рассказывай мне хоть тысячу раз, что отвезти почту необходимо.

— А что же с версией...

Домик стариков заметен издалека: высокая тонкая жердь с красно-белым метеорологическим флюгером на конце растет прямо из крыши, возвышаясь над окружающими зарослями дикого винограда и яблонями.

— Калитка открыта, въезжайте! — сообщил громкоговоритель над моим ухом. Можно подумать, здесь когда-нибудь закрывали калитку!

Я оставил велосипед у заборчика и направился к веранде. Она тоже поросла диким виноградом, из-за чего две массивные тени становятся заметны, лишь когда подходишь очень близко. Я отвел рукой виноградные побеги и, склонившись, пробрался внутрь. Тени качнулись в креслах-колясках, шевельнули руками.

— Ну вы даете, молодой человек! — флегматично заявила левая тень. — Неужели проспали?

Я смущенно кашлянул и отвел глаза.

— Да нет, Ронуальдо, он был с женщиной, — авторитетно сообщила правая тень. — Ведь я прав, да?

— Во-первых, Мариний, говорить о присутствующем в третьем лице невежливо, — вздохнула левая тень. — Во-вторых же, если молодой человек, как ты выражаешься, был с женщиной, он, следовательно, проспал и...

Правая хохотнула:

— Я вкладывал несколько другой смысл в ту фразу. Но ты прав, Ронуальдо, говорить о присутствующем в третьем лице невежливо. Простите, молодой человек. А теперь расскажите наконец, что вас задержало.

— Если вкратце...

— А не надо вкратце, — прервала меня одна из теней. — Вы обстоятельно, не торопясь. Хотите чаю?

— Начинайте, — велел Ронуальдо Лэррок. Мариний же ничего не велел, он ушел за чаем.

Всегда, сколько привожу почту этим старикам, удивляюсь: как можно, обладая подобными размерами, двигаться столь бесшумно и ловко? Братья Лэрроки не просто толстые люди — они очень толстые. И похожи один на другого, как... не как две капли воды, а именно как Ронуальдо на Мариния. Иногда начинаешь думать, что их можно различить по голосу. И каждый раз, когда начинаешь так думать, понимаешь: ошибся, нельзя! Такое впечатление, будто они сами, просыпаясь утром, не помнят, кто из них кто, и попросту тянут жребий, выбирая имена.

Через пару мгновений Мариний явился на веранду, поставил на столик массивный металлический чайник, три кружки и вазу с печеньем.

Держа в одной руке увесистую кружку, а в другой не менее увесистое печенье, я принялся рассказывать. Вернее, выдумывать на ходу.

Да, день точно не удался.

Ведь говорил же Бернару, что могут возникнуть проблемы такого рода! А он только махнул рукой и ткнул пальцем в окно. К окну я подходить не стал.

— Ты вообще понимаешь, какая катавасия заварилась? — раздраженно спросил начохраны. — Обложили КПП со всех

— Придумаешь какую-нибудь ерунду. Скажешь, Розалинда родила — они поймут.

— Вообще-то ее зовут Розалия.

— Да, конечно. Извини. Ну давай-давай, поторапливайся. Придумаешь что-нибудь...

Лэррокам я рассказал про автомобильную пробку, про битую покрышку, внезапно закончившийся бензин. Про переучет на почте, из-за которого очень долго не мог получить нужную корреспонденцию. И в подтверждение потянулся за сумкой.

— Нет, молодой человек, вы меня расстраиваете, — сказал Мариний. — Неужели нельзя было опоздать по более интересной причине?

— Ты имеешь в виду женщину? — ехидно поинтересовался Ронуальдо.

— Не перебивай. А хотя бы и женщина. По крайней мере, интереснее. А между прочим, госпожа Джессика сейчас...

— Ну что, что госпожа Джессика?! Оставь ты ее в покое, прошу тебя, братец. В конце концов...

— Ваши письма, господа! — Чтобы отыскать нужные конверты, мне пришлось встать и подойти к перилам веранды. Здесь, в одиноких лучах солнца, пробившихся сквозь виноградные дебри, я сумел отобрать корреспонденцию Лэрроков. В том числе и две средних размеров коробочки, одна из которых оказалась помятой; внутри что-то дребезжало.

— За письма спасибо. — Ронуальдо взял конверты и спрятал их в одном из многочисленных карманов-сладок своего комбинезона. — А пришли ли заказанные детали?

— Вот, — я протянул ему бандероли, — прислали. Но по моему, в одной что-то сломалось. Слышите, как дребезжит?

Старики вскрыли коробочки и исследовали содержимое. Странно, как им удается видеть в такой темноте. Говорят, Лэрроков делали специально для подземных работ.

— Да все в порядке, молодой человек, — шумно вздохнул Ронуальдо. — Не переживайте вы так. Нормально. Ничего не сломалось. Благодарствуем. Где расписаться?

Они расписались, я отхлебнул напоследок чайку и распрощался.

От Лэрроков дорога вела к домику госпожи Марты. Но старушку я там не застал: на деревянной, выкрашенной в розовое калиточке висел клочок бумаги. «Ушла в гости. Буду поздно вечером. Оставьте, пожалуйста, письма на веранде. А меня найдете у госпожи Джессики — там и распишусь за них. Г-жа Марта».

Вот черт! — подумал я. Оставил письма и отправился дальше.

Вопрос о пристанище для списанных биороботов возник всего три года назад. До недавних пор их считали самым удачным решением многих производственных проблем: мало ли где найдется работа, слишком рискованная для жизни человека. Правда, существовала еще проблема себестоимости, но в некоторых случаях без биороботов просто невозможно было обойтись. Ну а кроме того, живые механизмы не просто походили на человека — они обладали человеческим разумом, питались как люди. Но главное, они были управляемы. И соответственны — послушны.

Первый биоробот настолько впечатлил широкую общественность, что никто не стал дожидаться окончания экспериментов. Ведь человечеству всегда требовался идеальный слуга, покорный раб. Это ясно, но эксперименты

ФАНТАСТИКА

и испытания следовало бы довести до конца. Поэтому получили, что хотели. Состарившийся идеальный раб-слуга три года назад начал сбивать. Ну прямо как старик, которого выводит из равновесия любая мелочь: остывший чай, мятая утренняя газета, испорченный радиоприемник. Но если старый человек в худшем случае может испортить вам настроение, то биоробот способен на большее.

Первые два убийства списали на обстоятельства. После третьего газетчики насторожились. После шестого началась паника. Демонстрации, митинги, выступления в защиту и в знак протеста. Были и попытки уничтожить биороботов... Вся эта катавасия совпала с выборами президента. И нынешний (тогда еще кандидат) предложил: господа, убивать живые механизмы негуманно — они ведь живые; поэтому давайте-ка лучше мы их изолируем от общества и позволим доживать свой век. Ученые, к тому моменту погрузневшие, восторженно воскликнули: «Давайте-давайте!» Ученых, как известно, хлебом не корми — позволь понаблюдать. Так появилась Долина биороботов, с небольшим исследовательским центром и службой охраны. Ну а сами живые механизмы считали себя обыкновенными старичками-старушками миллионерами на отдыхе. Всех все устраивало. Но ситуация изменилась, да еще как!

Аомик госпожи Джессики стоит в центре небольшого озера, на островке, соединенном с сушей тонким дощатым мостом; всякий раз, когда я въезжаю на него, он вибрирует и норовит скинуть меня в воду. Потом у дверей появляется хозяйка, упирает руки в боки, и весь оставшийся путь я проделываю под ее пристальным взглядом — до тех пор, пока не попадаю в зону поражения, то есть слышимости. Госпожа Джессика любит поговорить, много и долго, ей важен сам факт присутствия слушателя. Собеседники госпоже Джессике ни к чему.

Вообще-то я старуху недолюбиваю. Дело даже не в ее болтливости. Просто однажды она чуть было не сорвалась. Мы сидели и разговаривали, и вдруг госпожа Джессика встала и пошла на меня, медленно, угрожающе. И даже подняла руку для удара. Я сначала попытался спросить у нее, в чем дело, но старуха двигалась все так же молча. Тогда я поднялся из кресла, намереваясь... а-а, сам не знаю, что я собирался в тот момент делать. Короче, поднялся, а она возьми и становись. И самым обыкновенным голосом сообщает: «На вашем плече, молодой человек, сидела эта проклятая муха, за которой я уже полдня гоняюсь! Зачем же вы ее спугнули?»

Когда я с перепугу рассказал про этот случай в Центре, там всерьез подняли вопрос о ликвидации госпожи Джессики. Даже моего мнения спрашивали. А я что, я сказал: все нормально. (Ну, на самом-то деле, конечно, если бы без меня решили вопрос о ликвидации, я бы вздохнул с облегчением; очень не люблю подписывать смертный приговор — никому, даже биороботам.)

После того случая в наших отношениях с госпожой Джессикой, по сути, мало что изменилось. Вежливость почта-

льона, не желающего потерять работу, да болтовня одинокой старухи. Она, кажется, вообще не помнила о своей попытке убить ту самую муху, но я, бывая здесь, стал куда внимательнее.

— Что-то вы припозднились сегодня, молодой человек! — начала она. — Во времена моей молодости, замечу вам, никто себе такого не позволял. Помню, несколько раз опаздывали на работу — что было, то было, — но всегда страшно переживали из-за этого.

— Простите, не зависящие от меня обстоятельства.

Госпожа Джессика раздраженно отмахнулась:

— Оставьте это! Какие могут быть «не зависящие от вас обстоятельства»? При нынешнем-то уровне развития общества? Нет, я решительно отказываюсь вас понимать! Заметьте... Вы слушаете меня, молодой человек? — И когда я закивал, продолжила гневно: — Так вот, извольте наконец объясниться. И входите же в дом, не стойте на пороге, как истукан! Честное слово, иногда жизнь становится просто невыносимой!

Я оставил велосипед и последовал за старухой в дом, внимательно глядя по сторонам. Мы оказались в гостиной, обставленной роскошно, но безвкусно. Хотя, конечно, я всего лишь почталъон, мне сложно судить.

За огромным столом, накрытым дорогой скатертью, сидела еще одна старушка — госпожа Марта. Вообще-то она у нас вторая по опасности в долине, но выглядит вполне мирно. Мы поздоровались, я присел к столу и согласился почаевничать с ними.

Пока госпожа Джессика ставила на стол четвертый чайный прибор, я рылся в сумке, а госпожа Марта рассказывала о последних новостях.

— Вчера закончила очередную главу. Самую-рассамую печальную, где Моника теряет сына. Мы как раз собирались сегодня почитать ее... вернее, я собиралась почитать ее Джессике, но, знаете, тут...

— Тебе сколько ложек сахара, дорогая? — вмешалась хозяйка.

— Две, ты же знаешь. Так вот, о чем это я?

— О том, как ты закончила очередную главу.

Я подумал, не уточнить ли. Но не рискнул: это могло вызвать кое у кого излишнее раздражение. Пускай все идет своим чередом, там разберемся. Никуда от меня этот кружок конспираторов не денется.

— А как вы, молодой человек? Как ваша жена? Кажется, ее зовут Розалинда?

— Джессика, не хотелось бы тебя перебивать, но его жену зовут Розалия, — с мягкой улыбкой сказала госпожа Марта. — Или я ошибаюсь? — повернулась она ко мне.

— Нет, госпожа, вы не ошибаетесь. — В моей ответной улыбке было больше искренности, чем обычно. — Ее и в самом деле зовут Розалией. А что касается ее здоровья, то благодарю вас, она чувствует себя неплохо.

— Ваш чай, — промолвила хозяйка, пододвигая ко мне чашку.

Мы стали пить чай. Хозяйка проглядывала новые журналы, гостя в меру самокритично распространялась о достоинствах и недостатках законченной главы, я глазел по сторонам. Все как всегда. Вроде бы все как всегда. Ничего значительного. Кроме четвертого чайного прибора. Ипользованного.

Интересно, чем это госпожа Джессика обязана сегодняшним визитам соседей?

— К слову, дорогая, как там поживают твои золотые «конские хвосты»? — Госпожа Марта закончила критический обзор собственного творения, и ей стало скучно.

Хозяйка отложила в сторону свежий выпуск «Мира аквариумистики»:

— «Конские хвосты»? А я разве не говорила? Отнересались, завтра или послезавтра должны проклюнуться малыши.

— Ты выпустишь их в озеро?

— О, не знаю! Это очень сложно решить. Биологическое равновесие может нарушиться. Я отправила письмо в редакцию, но ответа до сих пор не получила. Тебе же известно, все журналисты ужасные зазнайки, делают вид, будто заняты, а на самом деле только точат ляды с утра до вечера да катаются по командировкам. Недавно читала, как один такой пишет о пираньях: поверишь, ни слова правды! Ни единого словечка! Так, словно он вообще не имеет представления об этих рыбах. А взялся писать — вот ведь что обидно. Скажите, молодой человек, вы никогда не пытались сотворить нечто литературное? И правильно сделали, что не пытались: каждый должен заниматься своим делом. Вы — вовремя развозить почту, Мариний с Ронуальдо — мастерить свои механизмы, Марта...

Задремавшая было госпожа Марта вскинулась и, не открывая глаз, пробормотала:

— Конечно, конечно, я как раз собиралась сказать то же самое...

В ней что-то скрипнуло, звякнуло — она снова заснула.

— Одним словом, — продолжила госпожа Джессика, — каждый должен заниматься своим делом. Понимаете, своим! Но этого мало, вот в чем соль. Недостаточно просто заниматься своей работой — нужно еще и делать ее так, чтобы... чтобы...

Старуху иногда заедает — она просто-напросто отключается на несколько минут, застыв статуей музея восковых фигур. Вот как сейчас.

Я тихонько отодвинул стул и поднялся. Никогда не знаешь, сколько времени госпожа Джессика будет находиться в ступоре. А в последнее время с ней такое случается чаще и чаще. Мне оставалось только надеяться, что я успею.

В гостиную вело несколько дверей, и я выбрал ту, что расположена в дальнем углу справа. За нею, в длинном узком зале, старуха держала свои аквариумы. Из этой «рыбной комнаты» (я хорошо помнил план дома Джессики) был еще один выход — на лестницу, в спальню покои.

«Рыбная комната» поражала воображение. Вдоль стен выстроились стеллажи с аквариумами, и кого там только нет! Золотые рыбки (в том числе и любимые хозяйкины «конские хвосты»), цихлиды, миниатюрные щучки, сомки и даже пираньи. Но у меня не было времени глазеть на здешнее великолепие. Я поднялся в спальню старухи.

Почему именно сюда? Почему не помчался на веранду, не заглянул на кухню? Наверное, интуиция. И я не ошибся.

На кровати спал мальчик лет шести-семи, светловолосый, прилично одетый — сразу видно, из состоятельной семьи.

Я не придумал ничего лучшего, чем разбудить его. Подошел, осторожно тронул за плечо и сразу шагнул назад, чтобы не напугать.

Он поднялся, сонный, взлохмаченный, с красным отпечатком ладони на щеке.

— Кто вы такой? — спросил он чуть растерянно. — А, понял, вы почталъон! Который приходит раз в неделю, да?

— Ты угадал, дружище. Я почталъон. А вот ты кто будешь?

Он шмыгнул носом, но не ответил. И тут же дверь за моей спиной скрипнула — я обернулся, уже зная, кого там увижу.

Это я представлял себе много раз: как госпожа Джессика нападает на меня, а я обороняюсь. Поверьте, ничего для меня обнадеживающего в тех картинах не было.

Старуха стояла в дверном проеме и неотрывно глядела на нас. Потом шагнула вперед. Я выпрямился, инстинктивно закрывая собой мальчика. Но тот вышел вперед, сладко зевнул и будничным тоном спросил:

— Госпожа, скажите, пожалуйста, который час?

Старуха остановилась и ответила спокойно:

— Ты спал совсем немного. Не беспокойся, внучек.

— Понимаете, не хочу опаздывать, — объяснил мальчик. — Иначе влетит. А?..

— Подарок уже ждет тебя, — сообщила госпожа Джессика, и, клянусь, в ее голосе звучала самая настоящая нежность! Слово это мальчик и вправду был ее внуком. — Я написала на листке, как нужно за ними ухаживать. И дам журнал — почитаешь. — Мальчик покраснел, и я догадался, что читать он еще, скорее всего, умеет плохо. — Вы ответите его, молодой человек? — обратилась она ко мне.

Я кивнул, хотя плохо представлял, куда это я должен, как она сказала, отвести ребенка. Хорошо, по крайней мере, одно: сейчас госпожа Джессика, кажется, не собирается никого убивать.

Мирно, словно члены добропорядочной семьи, мы спустились по лестнице в «рыбную комнату». Здесь хозяйка прихватила меня за локоть, не сильно, но властно.

— Молодой человек, я хотела бы... э, попросить вас... — Старуха замолчала, впервые за время нашего знакомства пытаясь подыскать нужные слова. — Проводите, пожалуйста, ребенка домой. Да... и не досаждайте ему расспросами. А главное — не ругайте его и не позволяйте, чтобы его ругали родители. Мне кажется, он пришел сюда тайком от них, понимаете?

Я, как мог, подтвердил, что, несомненно, понимаю всю деликатность возложенной на меня миссии.

— Это не обязанность, — уточнила госпожа Джессика, — это просьба. А то... знаете, когда они прощаются с тобой, всегда боишься, что они приходили в последний раз. И после этого становишься невероятно раздражительной: все просто валится из рук — жить невозможно! — Тут старушка помолчала, вздохнула и хлопнула меня по плечу: — Ну, ступайте же, мальчику нужно торопиться.

— А как быть... э, с другими?... — Похоже, я заразился от госпожи Джессики неспособностью связать два слова. — Ведь мне нужно развезти почту, я и так задержался.

— Не беспокойтесь, — заверила старушка. — Я им объясню, они поймут. Не сомневайтесь, поймут.

— А знаете что, — нашелся я, — давайте-ка мы договоримся так: я оставлю вам всю корреспонденцию, а вы ее постепенно разнесете своим соседям. Хорошо?

— Вы просто чудо! — И тут она порывисто обняла меня — обняла и... чмокнула в щеку. — Ну, ступайте!

Черт, то мгновенье я запомнил на всю жизнь: показалось, никогда еще я не был так близок к смерти.

Попрощавшись со старушками, я усадил мальчика на багажник, забросил на плечо полупустую сумку и поехал. И что-то тяжело мне было.

— Куда мы? — спросил мальчик.

— К выходу из долины. Куда же еще?

— Нет. — Он пошевелился у меня за спиной, перекладывая из руки в руку целлофановый пакетик с двумя рыбками, подаренными госпожой Джессикой (рыбки напоминали миниатюрных восточных драконов желто-черного цвета). — Нет, нам не туда. Остановитесь.

Я выполнил его просьбу. Тем более что у обочины дороги как раз лежало упавшее дерево, на которое можно было присесть и поговорить. А нам непременно следовало поговорить. Я прислонил велосипед к стволу и опустился на поросшую бархатистым мхом кору.

ФАНТАСТИКА

— Устраивайся, — предложил я.

Мне ответили настроенным взглядом.

— Я опаздываю.

— По крайней мере, расскажи, куда тебя везти.

— Неужели не знаете? — удивился он.

— Как видишь.

Мальчик сел, но подальше от меня, не выпуская из рук пакетика с «драконами».

— А теперь давай по порядку, — сказал я. — Начни с того, откуда ты взялся и почему вообще находишься здесь, где находиться тебе в принципе... Эй, спокойнее! Никто твоих рыбок не отберет, я просто хочу знать...

— Зачем?! — Это походило на крик загнанного звереныша.

— Затем, что до сих пор был известен только один вход в долину. И вряд ли ты смог бы им воспользоваться.

— Если вы говорите про тоннель, то смог! — (Ого, а ведь он гордится этим!) — Ну, ясно, в Волшебную Долину просто так не попасть, нужно пройти испытание. Я его прошел. И поэтому заслужил подарок!

— погоди! Как ты думаешь, где мы сейчас с тобой находимся?

— Шутите?

— Разве похоже?

(Пауза, в течение которой мои слова проверяются: не фальшивы ли.)

— Ну ладно, в Долине.

(Тест закончился успешно.)

— В Волшебной? — уточнил я.

— Ага, в Волшебной.

— Так, и ты пришел сюда, чтобы получить подарок?

— Ну да. Так все наши делают.

— Какие «наши»?

Он пожал плечами:

— Из интерната, конечно.

Вот именно — конечно! Можно было и раньше догадаться. С этим интернатом тоже хватало мороки. Его построили давным-давно, он считается одним из старейших интернатов для детей из хорошо обеспеченных семей. (Всегда удивлялся, почему богатые родители отдают детей в интернаты? Ну, речь теперь не о том.) Я уже упоминал, что, когда подбирали место для моих клиентов, решили, что долина, окруженная со всех сторон отвесными горными склонами, подходит просто-таки идеально. Но в этом идеальном расположении имелась и одна заковыка: рядом, на северном склоне, стоял интернат. Вроде и не близко, но... Но договорились: детям, а точнее, их зажиточным родителям гарантировали безопасность. И вот теперь я сижу тут рядом с оборотом, ухитрившимся сбежать из интерната и попасть в долину. И ладно если б один: как выяснилось, «так все делают»!

— Ну хорошо, — произнес я примирительно, наблюдая за рыбками в блестящем на солнце пакете. — Хорошо, поехали к интернату. А как ты собираешься возвращаться?

Мальчик посмотрел на меня, словно на умственно отсталого:

ФАНТАСТИКА

— Через тоннель, а как же еще?

— И куда ехать?

Он показал. И мы поехали. Сначала молчали, потом я не выдержал:

— Слушай, расскажи, а зачем вы сюда ходите?

— Неужели не знаете? Нет? Мы ходим сюда к волшебникам, это-то вы понимаете? Первым был Ришар, он и нашел тоннель — ну, не искал, конечно, а просто заблудился. Сначала играл и потом потерялся. И никак не мог вернуться, перепутал направление... короче говоря, нашел Долину. И попал к толстякам. Вернее, они его сами нашли и позвали к себе, хотя Ришар был далеко от их дома. Ну, волшебники — вы же понимаете.

Я понимал.

— Толстяки подарили Ришару самокатку. Это такая машина, ее толкнешь, и она катится, пока на что-нибудь не наткнется.

— А если не наткнется?

— Так и будет катиться. Мы проверяли, сколько могли. А Ришар сначала не хотел рассказывать, откуда взял самокатку, но в конце концов проболтался. И тогда мы нашли тоннель и стали ходить в Долину.

— А не страшно было?

— Сначала страшно, но потом оказалось, что волшебники там только хорошие. Чаем поят, угощают разными вкусными вещами, дарят подарки.

— И часто вы сюда навещаетесь?

Мальчик вздохнул:

— Не-а, часто не получается. У нас воспитатели строгие, особенно одна, Злюка. Давайте поторопимся, а то скоро ее смена.

Мы поторопились и успели. Тоннель начинался в пещере на одном из склонов; мальчик вытащил из тайника фонарик, и мы отправились под землю. Вышли уже рядом с интернатом. Я проводил своего подопечного до лаза в заборе, пожелал удачи и пошел обратно, в долину.

На КПП я, как и положено, отрапортовал, прошел беглый осмотр (все ли со мной в порядке, не пытаюсь ли чего утаить), а потом отправился к Квази. Надо ведь поблагодарить, как посоветовал мне Бернар.

Квази-Ормонд сидел за компьютером и скользил пальцами по клавишам. На мое появление он отозвался энергичным стрекотом и развернулся вместе с креслом в мою сторону:

— Ну, как дела? Старые не буянят?

Я присел в свободное кресло.

— Старые? — переспросил. — Нет, не буянят.

А потом взял и выложил ему всю историю про интернат и «добрых волшебников». Сам не знаю почему: на КПП не рассказал, а тут — словно прорвало. Ормонд молча выслушал, еще больше сгорбил спину (за такую спину его и прозвали Квазимодулем), и дальше я услышал:

— Удивительно! Если то, что ты мне наговорил, — правда, то мы нашли пресловутый стабилизирующий фактор. Теперь...

Он повернулся к экрану, снова защелкал клавишами. А я положил руку ему на плечо:

— Подожди, не торопись. То, что я тебе рассказал, это действительно правда. Но никто, кроме тебя, не должен ее знать. Ну, подумай сам!

Он подумал (это заняло полминуты), потом энергично кивнул:

— Ты прав! Конечно, ты прав. Но... Хорошо, я просто буду учитывать это в своих вычислениях. Неофициальных. И сообщать тебе.

— Это уже идея получше.

— Значит, так и договоримся... — Его взгляд как-то затуманился. — Удивительно. Дети из интерната и старики бироботы! Кто бы мог подумать?

— А что с митинговавшими? — спросил я.

— Да разошлись по домам. Кушать-то всем хочется.

— Завтра опять явятся?

Он пожал плечами:

— Может, явятся, а может, нет. Посмотрим. В любом случае сейчас я собираюсь последовать их примеру. Слушай, ты ж на авто — подкинь меня, да?

Аома все как всегда. Розалия сообщила мне, что заходила госпожа Никокириа, прибралась, посидела с ней и, отпросившись, убежала. Я в очередной раз пригрозил, что уволю эту госпожу ко всем чертям. Розалия попросила, чтобы я этого не делал.

Мы поели, я выкатил кресло с женой на балкон (она любит смотреть на закат, даже в городе, с грязными небоскребами и шумными улицами), поговорили о том о сем. Конечно, я рассказал ей про мальчика из интерната. Обсудили подробно. Потом Розалия попросила высадить ее из кресла на диван — начинался какой-то фильм. Она смотрела, я мыл посуду. Помыл, присоединился к ней. Фильм не понравился, переключили, искали по каналам — ничего стоящего. Розалия стала читать книгу, я — работать.

Когда пришло время отправляться в постель, жена подъехала ко мне, едва слышно позвякивая креплениями кресла:

— Ты идешь?

— Да, сейчас уложу тебя. Но сам еще немного посижу, договорились?

Она легла в кровать, улыбнулась мне. Мы поцеловались.

— Ну, спокойной ночи. Не засиживайся допоздна, хорошо?

— Хорошо, родная.

Я погасил свет, тихонько закрыл дверь спальни и прошел к письменному столу. Письмо господину Тирхаду от сына было почти закончено, оставалось еще ответить на вопросы госпожи Джессики и непременно подготовить посылочку для братьев Лэрроков — въедливого Мариния и флегматичного Ронуальдо.

